

Евгений Абдуллаев

Вырваться из потока

Шесть поэтических сборников 2018 года

В англоязычной критике сталкиваешься порой с термином «перепроизводство поэзии».

«Не порождает ли нынешнее перепроизводство поэзии (overproduction of poetry) своего рода инфляцию, надоедающую читателям и тем самым обесценивающую всю поэзию целиком? Нужно ли нам публиковать так много поэзии — особенно когда любой издатель скажет вам: “Это не продается”? Затрудняюсь с ответом» (Сара Робин, «Books in Canada»)¹.

«Заметное и тревожное снижение качества поэзии, усугубленное ее перепроизводством (overproduction)... Это явление, похоже, охватило весь мир, от экватора до экватора. И оно затронуло всех, кто связан с издательским делом — от поэтов и стихотворцев-любителей — до редакторов, критиков, премиальных институтов и издателей... Это не значит, что более не создается ничего выдающегося (no great quality works), но то, что такая поэзия вряд ли сможет сегодня вырваться из потока...» (Аматоритсеро Эде, «Sentinel Poetry»)².

Поэзии, действительно, много. Пишется, печатается, вывешивается в Сети. Иногда даже читается.

С другой стороны, думаю, никто не сможет сказать, сколько ее *должно* быть. Вряд ли вводить квоты на издания или устраивать аутодафе «лишней» поэзии было бы выходом.

Что остается?

Пожалуй, только одно — продолжать поиски той самой «высококачественной поэзии» (great quality works), которой необходимо помочь «вырваться из потока».

Этим, собственно, и обязаны заниматься поэтическая редакция и поэтическая критика. Этим они и занимаются — только вот «выхватывать из потока» чем дальше, тем труднее.

Но — достаточно ламентаций; попробуем посмотреть, что же вытянули сети из невысоких волн поэтического книгоиздания прошлого года.

Начну по традиции с краткого «списочного» обзора новинок.

¹ Robyn S. First Poets // Сайт «Books in Canada. The Canadian Review of Books» (http://www.booksincanada.com/article_view.asp?id=296)

² Ede A. The grain and the Chaff // Сайт «Sentinel Poetry (Online)». 2007. June. № 54 (<http://www.sentinelpoetry.org.uk/0607/editorial.htm>)

В «Воймеге» вышли Бахыт Кенжеев (о нем подробнее — ниже), Александр Кабанов, Светлана Хромова, Андрей Грицман, Елена Погорелая, Дмитрий Веденяпин...

Продолжает свою тихую, но важную работу нью-йоркский «Айлурус». В прошлом году вышли четыре сборника: Дмитрия Данилова (у него уже пятый сборник в «Айлурусе»), Елены Ванеян, Дениса Крюкова и Кирилла Захарова.

В «Русском Гулливере» — стихи Андрея Таврова, Елены Лапшиной, Леры Манович, Фаины Гримберг (Гаврилиной)... О «Сне златоглазки» Лапшиной — ниже.

В серебристой «Поэтической библиотеке» «Времени»: Александр Кушнер, Марк Харитонов, Инна Кабыш, Вадим Жук...

Товарищество поэтов «Сибирский тракт» (издательство «СТИХИ») продолжает публиковать сборники с нежнейшими импрессионистами на обложках. В прошлом году вышли Андрей Пермяков, Алиса Орлова, Изяслав Винтерман... О книгах Пермякова и Винтермана — ниже.

В серии журнала «Воздух» вышли Ксения Букша, Анастасия Векшина, Дмитрий Гаричев... В еще одной серии Дмитрия Кузьмина — в рамках латышского проекта «Литература без границ» — Олег Пашенко, Андрей Черкасов, Мария Галина (о «Четырех годах времени» Галиной — ниже).

В серии «Новая поэзия» «Нового литературного обозрения» — Хамдам Закиров, Наталия Черных, Галина Рымбу...

В «Поэтической серии» самарского «Цирка “Олимп”» вышел любопытный сборник «Накануне революции: 1917–2017» с подзаголовком «Поэзия в поддержку прямоговорящих». Прямоговорения в книге и впрямь достаточно; что касается поэзии, — скажем так, не многовато.

Из вышедшего вне поэтических серий: Олег Чухонцев в «ОГИ», Лев Рубинштейн в «АСТ», Иван Волков в «Б.С.Г. Пресс», Юлий Гуголев в «Новом издательстве», Андрей Бронников во «Владимире Дале», Евгений Сливкин в «Образе» и Ася Анистратенко в «Издателе И.Б.Белом».

А теперь — собственно, по отбору.

«С неба каплют берёзы...»

Анна ПАВЛОВСКАЯ. Станция Марс. — М.: Арт Хаус медиа, 2018. — 102 с. — Тираж 300 экз.

Хорошо поет Анна Павловская. Именно *поет* — послушайте:

Осточертел словарь, почти безвкусно слово,
и аппетита нет у девочки Серова. <...>

В особицу сидит в густом осеннем свете —
в гостинице, в гостях, в казённом кабинете,
в остуженном кафе, в вагоне-ресторане,
и свет её кружит, как ложечку в стакане,
и с креслом и столом стремительно выносит
сквозь мутное окно в отчаянную осень...

Павловская родилась в Минске. Живет в Подмосковье. Публиковалась, но большей частью в журналах второго ряда. «Станция Марс» — третья книга стихов, две предыдущие прошли не слишком заметно, рецензий и откликов не обнаружил. Несколько поэтических премий... Но найдите сегодня непримированного поэта. Все — с премиями.

Лирика Павловской растет из попевок, заплачек, без внешней фольклорности, с неожиданными образными сдвигами.

Ходит ялик нетверёзый
по обманчивой реке,
с неба капают берёзы
и стекают по щеке.

Или вот, классическая тема женского ухода:

Я ушла от тебя, поселилась в прихожей,
В тёмном зеркале, в шапке, в пуху и пылице.
Я ушла в белом платье в зелёный горошек
Самым длинным тоннелем со светом в конце.

Здесь, конечно, самое замечательное — «белое платье в зелёный горошек».

Почему все это называется «Станция Марс»? Трудно сказать. В аннотации — слегка, на мой взгляд, вычурной — это вроде объясняется. «Третья книга Павловской — это последняя сброшенная ступень космического корабля. Стихи идут в антихронологическом порядке, вроде обратного отсчета перед отправкой в открытый космос...» И так далее. По сути же, название книге «дает» одно стихотворение, причем, на мой взгляд, не самое удачное.

Ты — на станции Марк, я — на станции Мрак,
Я — на станции Марс, за чертой горизонта.
Мне уже никогда не увидеть маяк,
Я уже не вернусь с inferнального фронта...

Трудно за этой несколько назойливой словесной игрой (Марк, Мрак, Марс...) и романтическим надрывом расслышать голос поэта, который, кажется, временами стремится сам себя перекричать. Вообще, читая книгу, жалеешь о недостаточно острых авторских ножницах: рядом с очевидными удачами соседствует немало вторичного, необязательного. Про алкоголь, про политику... Думаешь — это из тех случаев, когда автор сам себя «разжижает», превращает в поток.

Но то, что при этом «вылавливаешь», хочется долго вертеть, разглядывая, в руках и подносить к свету. «Есть такая щель во времени — / Называется диван». «Судьба растает, как брикет с морожным, / навзрыд заплачет горький шоколад». Есть замечательное стихотворение «Баллада о крыльях», вихревое, заговаривающееся; бессмысленно цитировать фрагментом, а целиком — не позволяют рецензионные рамки. Поэтому завершу, процитировав другое, на извечную тему *Ars poetica*.

Вокруг темно.
...Но выделены мы
таинственным свечением из тьмы.
Всё лишнее заботливо прикрыто,
всё убрано, рыдайте, пиэриды, —
здесь жизнь была — черна, необратима,
а вышла песня, амфора, картина.
Зелёный грот Сильвестра Щедрина,
терраса, сплошь заляпанная светом,
в проталинах полуденного сна
и виноградом в воздухе прогревом.

Действительно — «вышла песня»...

«Схватить луну за кончик языка...»

Изяслав ВИНТЕРМАН. *Страсть страстей*. — М.: «СТИХИ», 2018. — 80 с., ил. — (Серия «Срез». Кн. 12: Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»). Тираж 250 экз.
Изяслав ВИНТЕРМАН. *Галлюцинариум*. — М.: Воймега, 2017. — 80 с. Тираж 500 экз.

Еще один случай поэта... нет, не малоизвестного, но и не сказать что — замеченного и прочитанного.

Изяслав Винтерман — автор семнадцати книг стихов. Книги выходят с 1989-го, почти ежегодно. При этом — всего пара журнальных публикаций, в «Дне и ночи».

До 1992 года жил на Украине, затем перебрался в Израиль.

В 90-е, по словам свидетелей, в Израиле был взрыв русской поэзии. И сейчас, когда взрывная волна давно прошла, тоже есть кого назвать. Феликс Чечик, Александр Бараш. Оба — ровесники Винтермана, начала 60-х рождения. Чечик — в до предела сжатых, минималистичных стихах — больше обращен к доизраильской, советской жизни; Бараш — в строке длинной и неторопливой — к израильскому, левантийскому пейзажу (я имею в виду лучшую его книгу, «Средиземноморскую ноту»).

У Винтермана советские и израильские мотивы слегка приглушены. По крайней мере, в двух его последних сборниках. Особенно израильские. О том, что поэт живет в Иерусалиме, узнаешь только из аннотации. Да и сам он пишет: «Сочинял вне времени и вне места, / вне страны и вне языка».

Нет, эти стихи не совсем «вне места». «Пейзаж» для поэта важен («Мне бы время вернуть в пейзаж...»), а его отсутствие или неразличимость вызывает оторопь («Я не вижу пейзажа, что за пейзаж...»). Винтерман может замечательно сказать об облаках: «И облака жжёного сахар / то сладок, то горек на вкус». Может угостить читателя меткой, парадоксальной зарисовкой:

В узких улочках дождь —
ножки в колготки.
Кто там?
Через голову кофточку.
В окна колотят
капли глазные.

Ощущение, что его стихи растут из импровизации. В них есть что-то от экспромта, от написания на случай. Отсюда, вероятно, и частые обращения к невидимому читателю, слушателю; в «Страсти страстей» — к любимой женщине.

Порой эти обращения сбрасывают импровизационную оболочку, дорастая до горьких обобщений.

Ты ночьюрываешь тишину:
и шепчешь, и кричишь —
но только бормотанье и мычанье,
но только клочкотание внутри —
и ничего наружу не доходит...

...Луну схватить за кончик языка,
остановить невнятицу ночную,
в которой ты казалась мне близка, —
когда же понимать её начну я...

«Её» — вероятно, невнятицу; а может, и любимую. Или луну, схваченную за «кончик языка»...

Порой появляется и более высокий адресат.

Прошлое вытряхни из меня —
 светлым песочком из рюкзака,
 крошками хлеба и табака —
 насыпь века;

Греешь овчиной, мокрой насквозь, —
 до кончиков нитей и жёстких волос,
 до самых корней, стянувших века, —
 до этого дня;

стянувших меня, содравших с меня —
 одежду и кожу — прошли времена,
 рассыпалось тело, но свыклась душа —
 и не ушла...

Сбивчивый ритм, ассонансная, убедительная рифмовка, точность образов. Религиозная тема — далеко не главная у Винтермана — дает порой неожиданные по силе и парадоксальности стихи.

— Когда вы потеряли с первым богом
 связь, помните, кого прислали вам?
(Мы в темноте, он спросит нас о многом.)
 — Не помню, не скажу, не верь словам.

— Кто выходил на связь с тобой, уродом?
*(А я один из них, один из вас,
 один из тех, кто был одним народом.)*
 — Кончай его, не стоит с ним вась-вась.

Ради таких стихов и стоит прочитывать от корки до корки книги, пропуская что-то менее обязательное. Какие-то общие места («Наполовину — жизнь прекрасна / — живи ее, твори!») или импровизации в чистом виде — вроде забавной медитации над водочной пробкой («На бутылке водки пробка...»). Все это, как кажется, «разжижает» цельное поэтическое высказывание — каким, по идее, должна быть книга; вносит в него ненужное «разнообразие», пестроту. Но то, то выхватываешь из этого потока, — окупает с лихвой.

«Кто поцелует её?..»

Елена ЛАПШИНА. Сон златоглазки. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2018. — 172 с. — Тираж не указан.

Голос у Елены Лапшиной негромкий, и свои стихи она читает тихо. Но поэтический ее голос стал довольно заметен уже где-то с середины нулевых. И печатается в ведущих журналах, и книги выходят в известных издательствах: «Летнем саде», «Русском Гулливере»... И в рецензиях, вроде, недостатка нет... Даже Валерия Пустовая написала о стихах Лапшиной огромную статью в «Вопросах литературы» (2017, № 4). А Пустовая пишет, в основном, о потенциально-бестселлерном.

Но я сейчас не об отсутствии отклика (он есть), а о его непропорциональности.

Когда поэт, скажем, экспериментирует с формой, ломает традиционную метрику, рифмовку... — отклик, понятно, может быть только узким. И если не накатит какой-то социальный катаклизм, как это было в прошлом веке с авангардом, формальные эксперименты долго остаются достоянием лишь небольшой группки ценителей и единомышленников.

Но если поэт выбирает другой путь, стремится не к формальной сложности, но простоте, ясности и прозрачности смысла?

Елена Лапшина пишет просто. Как и у Павловской, с богатым фольклорным «подшерстком», подсвеченным мягкой (само)иронией.

Хорошо бы жить, ничего не зная —
вот тебе коврижка-ватрушка-сайка.
Если мир — тарелочка расписная,
то и жизнь — что яблочко-покатайка.
Жаль, не наливное, а так — китайка.

Демократизм (в лучшем смысле) поэтического письма. Кажется, что такие стихи должны изучаться в школе — только почему-то не изучаются...

У Лапшиной удивительно точный, наблюдательный глаз. Она видит всё — и всё ее радует. Кажется, даже сны она видит четкие и предельно подробные.

Сны мои раз от раза всё безнадежней.
Выйдешь с утра во двор, поглядишь обаче, —
нет, не проснулась: воздух и морок здешний,
всюду просевший снег, крендельки собачьи.

«Снег» — возможно, самое частотное слово этой книги (насчитал 23 раза). «Снег», «дождь», «сад», «яблоко»... Вот осень с урожаем наливных яблок движется за окном — пока спит меж рам сетчатокрылое alter ego автора — хрупкая златоглазка.

Осень с мешком наливных на горбу
ходит каргой по дворам.
Спит златоглазка в стеклянном гробу
меж заколоченных рам.

Мнится на улице злой хохоток,
ветхое вьётся тряпьё.
Спит златоглазка, свернув хоботок.
Кто поцелует её?..

Так и лежит поэзия-златоглазка в стеклянном межоконном зиккурате, дожидаясь, когда явится читатель и сумеет ее расколдовать.

«...Наблюдаешь и молчишь»

Андрей ПЕРМЯКОВ. Белые тепловозы. Стихи. — Москва: СТХИ, 2018. — 100 с., ил. (Серия «Срез». Кн. 8: Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»). — Тираж 250 экз.

Еще один негромкий, сосредоточенный голос в современной поэзии.

«Негромкий» — не значит «неслышный».

Дебютировав в 2007-м, Пермяков выпустил сборник стихов «Сплошная облачность» (2013) и три книги прозы. А также множество рецензий и критических статей. Но я сейчас — о стихах.

Стихи Пермякова балансируют на грани прозы, никогда, впрочем, эту грань не переступая. Строка, удлиняясь и ритмически трансформируясь, кажется, вот-вот забудет о том, что она — стихотворная; перельется за край, разрушит «столбик»... Или быт, прозаические, сниженные детали, вторгаясь в стих, изгонят из него всякий намек на то, что привычно считается поэзией.

Но этого не происходит.

Строка остается стихотворной, а бытовая сниженность лишь отчетливой оттеняет прозрачное лирическое начало.

А потом вспоминаешь другое. Немного другое,
но тоже хорошее: рыжий закат медленно уплывает
в рыжее озеро цвета советских обоев,

в рыжую девочку цвета, каких не бывает.
А вокруг — трёхэтажки цвета, который в тюрьме.
Цвета перемешиваются, перемешиваются, перемешиваются, переме...

Быт в «Белых тепловозах» в основном «прошедшего времени», из советского детства. Именно так, с такой «пассеистической» концепцией, сборник был составлен Натой Сучковой. Зато получилось цельное высказывание.

Стройка была похожа на слоновий скелет.
От железак и от крыши невероятно жарко.
Через окошки падал ровный церковный свет,
Пахло карбидом, пахло электросваркой.

Мы уже видели в книжках два непонятных слова:
«запах распада».
Возвращались живые или цинковые афганцы,
Наши в тот год не поехали на Олимпиаду,
Потому что в Москву перед этим не поехали американцы.

Кто-то из пацанов — не помню — крикнул: «Андрюшка!»
Мы отошли в самый угол, за ржавые трубы.
Анька сказала: «Насонов сожрал лягушку!»
И сразу спросила: «А ты целовался в губы?»

Точные приметы времени (84-й, судя по упомянутой Олимпиаде, на которую «не поехали наши»), узнаваемые приметы места. Само детство описывается жестко, без ностальгических кружев. «Вот этих детей били взрослые, / вот этих детей били дети...»

Лирический герой Пермякова — не столько *вспоминатель*, сколько *наблюдатель*. Даже его воспоминания — своего рода наблюдения за прошлым из настоящего. Отсюда — часто повторяющиеся глаголы зрения, всматривания, пристального взгляда. «Я обернулся быстро и, в общем, нечестно...» «Когда чуть замёрз, интересней смотреть на синицу в замёрзшем песке». «Вот и, завидуя, смотришь на них против света».

Жизнь в акваланге — наблюдаешь и молчишь,
спокоен, будто бритва, — безопасен.
«Я ненавижу никого», — ревет малыш.
Не то чтоб понимаю, но согласен.

И дальше маме: «Не люблю, ты злая!»
Да нет, не злая, просто не везёт.
На ящике мотается цветная
обложка: Девяносто третий год.

Единственное, что вызывает некоторое сомнение, — название: «Белые тепловозы». Оно не связано со стихами сборника, если не считать отдаленную связь со стихотворением «Абитура» («Лето далекого года / было удивительно белым...»). Но про тепловозы в нем нет. Возможно, «белые тепловозы» — из тех наблюдений, которыми автор просто решил пока не делиться с читателем...

«Вступаешь в день благодарения...»

Бахыт КЕНЖЕЕВ. Элегии и другие стихотворения. — М.: Воймега, 2018. — 124 с. — Тираж 500 экз.

Первоначально я не собирался писать об этой книге. Нет, не потому, что неинтересна (наоборот), а потому что Кенжеева, казалось, «выхватывать из потока» не нужно. И известен, и признан, и существует в современной поэзии с органичностью мастера, знающего цену себе и своим стихам.

Но вот прочел недавно в ФБ отзыв о Кенжееве Владимира Новикова.

«...Всё замешено, — пишет Новиков, — на ностальгии о прошлой молодой жизни и обыгрывании нехитрого мема о том, что если Бог такой умный и могущественный, то почему он допускает страдания и смерть. Ну и так далее. Водка, вино, закуска — почти в каждом стихе. Часто местами довольно коряво, со странными образами.

Всё сбудется: настанет жизнь другая.
И осьминог печально поплывёт
не вдаль, а вглубь, с трудом преодолая
давление шатающихся вод...

— какие-то необязательные строки. Почему “шатающиеся воды” и “вглубь”? Какая необходимость наворачивать непонятные образы?»

Удивительное дело — и о теме кенжеевских стихов сказано все верно, и фрагмент приведен показательный... Только все оценки вывернуты наизнанку.

Поскольку совершенно непонятно, что, собственно, плохого в ностальгичности кенжеевской лирики. Или в том, что в ней встречаются «вино, водка, закуска» (если, конечно, читатель — не активист общества трезвости). И что «корявого» и «странного» в приведенном катрене — на мой взгляд, удачном? И уж совсем странна жалоба на «непонятные образы». Особенно в устах критика — знатока и пропагандиста авангардной поэзии...

Да, Кенжеев — поэт не для всех. Поэзия его сложна, но сложность эта не герметична. Она раскрывается, распускается — едва на нее направлен луч читательского внимания. Поскольку самое важное, на мой взгляд, в стихах Кенжеева — не тема («Молодость прошла, а человек продолжает жить»), и не «фирменные» эпитеты и музыкальная фразировка, а — *интонация*. Поразительно дружелюбная, если не сказать любовная. Неважно, о чем поэт пишет, — он словно говорит читателю: «Давай посидим, потолкуем о нашем с тобой житье-бытье...» И таково обаяние этой интонации, столько в ней доброжелательности и тихой, ненавязчивой мудрости, что сопротивляться этому приглашению невозможно...

Да, но теперь — все-таки о самой книге.

Название не обманывает: в ней двенадцать элегий и другие стихи, которые также можно было бы назвать элегиями — это вообще излюбленный жанр у Кенжеева. Да (см. выше), молодость ушла: «Накатался, нарадовался»... Да (см. выше), ушли и радость, и сладость: «Где стол был яств, там мартовский сквозняк...» Но жизнь длится, и это печально и прекрасно.

А наша с тобою — умна и долга.
Неделя-другая — растают снега.
Эол, как положено, дуя,
согреет лужайку, и бережно кот
в подарок хозяйке в зубах принесёт
пушистую мышь молодую.

Давай полетим золотую золой

и снегом льяным над февральской землёй,
 где света беда не убавит,
 где звери простые, вернее, зверьки,
 не ведая веры и смертной тоски,
 неслышно предвечного славят.

Кенжеев — один из немногих эпикурейцев в современной поэзии: он, даже печалась, радуется и благодарит. Будь моя воля, я бы назвал этот сборник «День благодарения», по одному из стихотворений сборника.

Изнемогающий от лени и усталости — вдруг, как живой,
 вступаешь в день благодарения, где пахнет прахом и айвой...

Редкое умение различать одновременно и запах айвы, и запах праха, дар жизни сквозь печаль и усталость и способность сообщить этот дар через невидимые флюиды читателю...

И последний отрывок, который я привожу уже, скажем так, ради следующей рецензии.

Смотри, арахна, хитрая ткачиха,
 октябрь уж наступил, в лесах светло,
 и осень индевеющая тихо
 целует землю в жёлтое чело,
 и шепчет мне, что смертный жребий мелок,
 пора смиряться, счастья нет нигде,
 а время — бег вчерашних водомерок
 по неподатливой воде.

«Вот солнце зависает почти в зените...»

Мария ГАЛИНА. Четыре года времени: Стихи. Январь 2013 — декабрь 2017. Ozolnieki: Literature Without Borders, 2018. — 56 с. — Тираж не указан.

Поясню — в книге Марии Галиной тоже есть образ безумной пряжи.

Вот радио играет «в рабочий полдень»
 Вот солнце зависает почти в зените
 Вот пряжа на обочине там поодаль
 Тянет и тянет нити
 А с обочины тянет донником и бензином,
 А она всё прядет, поскольку она безумна.
 Погляди на себя пряжа, ты такая неряха,
 У тебя все кудели разного цвета.
 А нам нужны одинаковые рубахи,
 Цвета хаки форменные береты,
 Перепутаны, длинноваты цветные нити —
 Нам нужны короткие, извините.

Эта книга — о войне. О войне, которая была, есть и будет. Лирическая героиня Галиной живет в гераклитовском космосе непрерывного уничтожения, и лишь безумная пряжа-арахна¹ прядет и прядет свои разноцветные нити, как будто ничего и не происходит...

¹ Напомню, что именно так — «Арахна» — называлась критическая рубрика, которую Галина вела в «Знамени» в середине 2000-х.

О стихах Галиной писать сложно — и написано о них уже многими много (сам две рецензии опубликовал), причем справедливого и точного. И все же.

Есть у Галиной то, что лежит на поверхности, прямо на проходе. Тема смерти, конца (не важно, связано это с темой войны или нет); все об эту танатологичность спотыкаются (и я спотыкался), поскольку обойти ее действительно сложно. Но понимание, как правило, начинается с отказа от очевидной интерпретации — в пользу менее очевидной.

Нет, разумеется, у Галиной не стоит искать жизнелюбия, сродни гедонизму Кенжеева. Но есть в ее стихах то глубокое, эпическое дыхание, которое снимает ощущение личной трагедии, личного ужаса — возникающего при столкновении человека со смертью.

«Этот цикл был начат в 2013 году в Одессе, в июле, когда лето взбирается на вершущку годового холма и там дрожит, замирает...» Так начинается Галина предисловие к книге.

Мне чудится здесь лейтмотив всего сборника, который буквально пропитан этим горячим июльским светом, этим временем пышного, барочного расцвета южной природы. Лишь в одном стихотворении — верлибре «Плохой климат» — температура воздуха резко падает. «Перипатетики / захлебываются снегом», и Диоген вынужден ютиться под трубами навесной теплотрассы...

В остальном же — непрерывно длящийся южный июль, природа в апофеозе плодоношения. Смерть, страх, одиночество — да, где-то постоянно рядом. «Никому не рассказать, как темно и одиноко...» «Все равно так страшно и одиноко...» Но эти «голоса из хора» перекрывает мощно звучащий пантеистический аккорд галинской лирики, опять же заставляющий вспомнить гераклитовское уравнивание жизни и смерти как двух космических начал: «Они живут смертью других, и жизнью других умирают...» Отсюда и финальные стихи из небольшой поэмы «Площадь Революции»:

Внемлите, перламутроусланые аммониты,
Фасеточноглазые трилобиты
И вы, о застенчивые белемниты,
Узнайте, что вы не брошены и забыты,
Каждый из вас сохранён навеки
В этой гигантской книге,
На каменных её страницах <...>
Се говорю — никто из нас не погиб,
Никто из нас не погибнет!

Свою — 13-летней давности — рецензию на книгу Галиной «Неземля» («Арион», 2006, № 1) я заканчивал вопросом: «...Пока неясно, будет ли она двигаться в сторону несколько суховатых книжных игр или же возобладает так удачно развиваемая поэтом интонация лирического райка». От «книжности» в стихах Галиной осталась лишь легкая накипь интеллигентского фольклора, почти полностью, впрочем, растворенная фольклором авторским, поэтическим. В целом же поэзия ее стала прозаичнее — сохранив прежнюю напевность, и драматичнее — но опять же не рождая ощущения безысходного декаданса. Поскольку как бы ни был наполнен войнами и апокалиптическими предчувствиями космос поэта — в нем все, до малой птицы, будут сохранены, и никто не погибнет.